

Глава 4. Возвращение в родной город

Все несколько дней пути Сюй Аня сопровождал дождь. Погода стояла холодная, дороги размокли и раскисли. На душе у него было тяжело, поэтому дорога давалась особенно трудно: днём его трясло и мотало в повозке, а ночью на постоянных дворах он не мог спокойно уснуть. Желудок и кишечник сводило от боли, ел он совсем мало, зато дважды его вырвало, отчего лицо побелело и сам он заметно осунулся.

Сюй Ань понимал, что это от душевных терзаний, а тут никакие лекарства и отвары не помогут.

Через три дня он покинул пределы префектурного города и продолжил путь в сторону уезда Пухуа.

К счастью, стоило выбраться из префектурного города, как дождь прекратился. В уезде Пухуа было немного теплее, чем в городе, и на улице уже не так пробирало холодом. Сюй Аню наконец стало немного лучше.

Чтобы сэкономить на дороге, после выезда из города он пересел с крытой повозки на телегу с быками. Ещё два дня его трясло на ухабах, и наконец он добрался до уездного города Пухуа.

Когда Сюй Ань прибыл в уездный город, уже наступили сумерки. Закат окрасил половину небосвода в красный цвет, и последние солнечные лучи, падавшие на тело, всё ещё хранили немного тепла.

Его родной Тяньшуй находился в подчинении уезда Пухуа. От уездного города до него на воловьей повозке было около трёх часов пути, а на конной повозке дорога занимала примерно вдвое меньше времени.

Сюй Ань быстро прикинул: если ехать на телеге, придётся добираться до глубокой ночи. Пусть в Пухуа было не так холодно, как в префектурном городе, всё же уже наступила зима, и несколько часов ехать ночью под открытым небом было бы тяжело.

Тогда лучше снова нанять конную повозку. Она стоила дороже, зато всё равно обойдётся не дороже, чем ночлег в городе.

Решив так, он отправился искать повозку, намереваясь ещё сегодня ночью добраться до Тяньшуя.

Сейчас Сюй Ань находился на главной улице уездного города. У ног стояли три сундука, а через плечо висел ещё довольно большой узел с вещами. Багажа было не сказать чтобы много, но одному человеку с двумя руками всё это тащить было неудобно. Добраться до конного двора, чтобы нанять транспорт, он попросту не мог.

Темнело. Днём на улицах уездного города всегда толпились бездельники, но теперь не было видно ни души. Даже заплатить кому-нибудь пару монет, чтобы тот сбегал за повозкой, оказалось невозможно.

Сюй Ань немного поколебался и посмотрел в сторону городских ворот.

Он помнил, как в детстве родные привозили его в уездный город. Когда приходило время

возвращаться, они прямо у городских ворот искали повозку. Возчики, которые специально занимались перевозкой людей, любили стоять на свободном месте за воротами, зазывая пассажиров.

Сюй Ань вошёл через западные ворота, а возвращаться домой нужно было через восточные. Отсюда было недалеко.

К тому же на воротах проезд обычно стоил дешевле, чем если специально идти на постоянный двор и искать там повозку.

Решив так, Сюй Ань потащил три больших сундука к городским воротам, изрядно вымотавшись по дороге, но, добравшись туда, остолбенел.

На просторной площади у восточных ворот не было не то что повозок — даже двух человек не сыскать. Вечерний ветер гонял опавшие с деревьев сухие листья, и они тихо шелестели. Вокруг было пусто и непривычно тихо. Ничего общего с шумной и оживлённой картиной, которую он помнил.

Порывы ветра раздували рукава. Стемнело, а у городских ворот было особенно холодно. Несколько выходивших из города людей втягивали головы в плечи и торопливо шагали.

Сюй Ань поставил вещи на землю и подошёл к старому крестьянину, собиравшемуся выйти из города.

— Дедушка, почему у ворот так тихо? Неужели зима нынче пришла рано и возчики уже не берутся за вечерние поездки?

Старик посмотрел на Сюй Аня:

— Парень, ты издалека приехал?

— Да. Я приехал из другого места и сейчас возвращаюсь домой. Хотел здесь нанять повозку, но возчиков не вижу. Вот и удивляюсь.

Старик махнул рукой и рассказал Сюй Аню, что в последнее время в уезд должен приехать какой-то чиновник с проверкой. Восточные ворота города — его лицо перед начальством. Если возчики будут толпиться здесь, зазывая пассажиров, будет шумно, а скот ещё и оставляет после себя навоз и мочу. Перед чиновниками это выглядит неприглядно, поэтому в эти дни уездная управа запретила возчикам поджидать пассажиров у ворот.

Да и в самом городе порядок теперь был строгий. Патрули ходили один за другим: здесь запрещали ставить лотки, там не позволяли продавать овощи. Если кого-то ловили, не только отчитывали, но ещё и штрафовали.

Крестьяне из окрестных деревень и мелкие торговцы боялись, что заработка за день не хватит даже на штраф, поэтому в последнее время не желали заходить в город торговать. В городе стало заметно тише, а возчики и вовсе предпочитали отсиживаться дома.

Сюй Ань нахмурился:

— Как же неудачно всё сложилось.

Старик сказал, что зимой световой день короткий, и скоро совсем стемнеет. Если до дома

далеко, лучше переночевать в городе и отправиться утром — так безопаснее. Заодно он по-доброму объяснил, как пройти к постоялому двору Чжан Ми под косым мостом, где цены были вполне умеренными.

Сказав это, старик попрощался и ушёл.

Сюй Ань задумался: стоит ли, несмотря на всё, тащить багаж и идти на постоянный двор за повозкой или лучше остановиться здесь и переночевать в городе.

Как раз в этот момент послышался топот копыт. Сюй Ань повернул голову и увидел выезжавшую из города пустую телегу, запряжённую мулом.

Управлял мулом совсем ещё юный гэр. На нём была рубаха с перекрёстным воротом и штаны, а поверх — короткая ватная куртка из конопляной ткани.

На улицах девять человек из десяти одевались примерно так же. Но этот гэр плотно обмотал рукава и штанины полосками ткани. Он не оставлял их свободно болтаться, как делали те, кто одевался лишь ради красоты. Сразу было видно: человек ловкий и проворный.

Не успев постесняться, Сюй Ань крикнул ему вслед:

— Молодой человек, стойте! Вы сейчас едете в сторону Тяньшуя?

Телега резко остановилась, и человек за мулом посмотрел на Сюй Аня.

Перед ним оказалось чистое, аккуратное и очень привлекательное лицо. Чёрные глаза хранили спокойствие, совсем не свойственное человеку его возраста.

Когда маленький гэр разглядел Сюй Аня, тот, кажется, на мгновение замер.

Сюй Ань поспешно подошёл и снова спросил:

— Молодой человек, вы едете в сторону Тяньшуя? Я приехал из префектурного города и возвращаюсь домой. Хотел нанять повозку у городских ворот, но, к сожалению, здесь не оказалось возчиков.

Маленький гэр внимательно посмотрел на Сюй Аня, приоткрыл рот, словно хотел что-то сказать, но, увидев его искреннее и вежливое выражение лица, снова сомкнул губы.

Он кивнул, затем ловко спрыгнул с телеги.

Глаза Сюй Аня загорелись. Он и не ожидал, что ему так повезёт встретить человека, направлявшегося той же дорогой. Он поспешно сложил руки в знак благодарности.

Но маленький гэр ничего не сказал. Пока Сюй Ань кланялся, он обошёл его, поднял один из сундуков и понёс к телеге.

Сюй Ань от неожиданности вздрогнул. Сундук был набит медицинскими книгами и весил немало.

— Как же можно вас утруждать? Я сам!

Сюй Ань поспешно протянул руку, собираясь принять сундук, но даже прикоснуться к нему не успел. Маленький гэр одной рукой поставил оба сундука на телегу — один за другим, ловко и

без малейшего напряжения.

Сюй Ань остолбенел. На вид маленький гэр был худощавым, но силы в нём оказалось удивительно много.

Он тут же развернулся, схватил оставшийся сундук и уже не позволил тому помогать.

Маленький гэр и не стал спорить. Просто молча стоял в стороне и смотрел. Когда Сюй Ань уложил вещи, он снова забрался на телегу.

Натянув поводья, он оглянулся на Сюй Аня и, убедившись, что тот устроился как следует, хлестнул вожжами и погнал мула вперёд.

Тем временем солнце уже почти скрылось. Небо окрасилось в серые сумеречные тона. Мул бежал быстрее вола, в ушах Сюй Аня свистел ветер, а в телеге ещё ощущался лёгкий запах фруктов.

Он запахнул ворот и рукава. Сам он решил не ехать домой на воловьей телеге, опасаясь, что ночью ветер будет сильным, а дорога займёт слишком много времени. Кто бы мог подумать, что в итоге, по воле случая, он всё равно окажется на телеге. Хорошо хоть тянул её мул — по скорости почти не уступавший лошади.

В задумчивости Сюй Ань поднял глаза и невольно посмотрел на маленького гэра, сидевшего впереди. Тот держал спину совершенно прямо, ветер хлестал по его щекам, растрепав несколько выбившихся прядей.

Темнело, путников на дороге почти не осталось. Сюй Ань хотел из вежливости перекинуться с ним парой слов, чтобы скоротать время, но заметил собранные в причёску волосы маленького гэра и снова промолчал.

Маленький гэр, скорее всего, ещё не был замужем. Они случайно встретились в дороге, и, хотя тот из доброты согласился подвезти его, с самого начала до сих пор не произнёс ни слова. Вероятно, причина была именно в этом.

Нынешние времена были мирными, а нравы — достаточно открытыми. Молодые незамужние женщины и гэры давно привыкли самостоятельно выходить из дома, и это считалось совершенно обычным делом. Если не возникало каких-либо особых обстоятельств, всё было вполне безопасно. За исключением закрытых, уединённых мест, мужчине и женщине или гэру вовсе не считалось зазорным разговаривать или идти куда-нибудь вместе.

Пусть нравы и стали свободнее, люди всё равно бывали более замкнутыми по характеру — в этом не было ничего удивительного.

Поэтому Сюй Ань не стал ничего говорить. Он с почтительной сдержанностью не смотрел лишний раз на маленького гэра, а перевёл взгляд в сторону.

Темнело всё сильнее. Свет появлялся лишь возле постоянных дворов, мимо которых они проезжали. Ветер тоже усилился, и Сюй Ань невольно начал тревожиться, особенно каждый раз, когда телега налетала на камень или ухаб и его подбрасывало.

Через некоторое время он всё же заговорил:

— Молодой человек, уже темно, скоро дороги совсем не будет видно. Может, зажечь факел? Я могу помочь вам.

В ответ слышен был лишь шум ветра.

Сюй Ань немного неловко потёр кончик носа. Он уже собирался повторить вопрос, но тут мул замедлил шаг.

Маленький гэр остановил телегу у обочины, достал из-за спины факел и взял тлеющую трубку*.

[*Тлеющая трубка «хочжэцзи» (竹筒, huǒzhézi) — традиционное китайское приспособление для сохранения огня. Представляет собой герметичный бамбуковый футляр с плотно скрученным горючим свитком внутри. Материал сутками тлеет без доступа воздуха, а при снятии колпачка мгновенно вспыхивает от резкого выдоха.]

— Иди вперёд.

В тихом ветре неожиданно прозвучал хриплый голос — низкий и шершавый, словно говорил мужчина средних лет, простуженный до хрипоты.

Вокруг были только двое. Голос Сюй Аня звучал иначе, а значит, обладателем такого голоса мог быть только один человек.

Сюй Ань слегка замер и удивлённо поднял взгляд на гэра.

Тот оставался совершенно спокойным и невозмутимо протянул ему факел. Больше он ничего не сказал.

Сюй Ань поспешно взял его. Он был удивлён, что у такого юного гэра оказался настолько необычный голос, но всё же не осмелился невежливо расспрашивать.

Они сели впереди телеги рядом друг с другом, оставив между собой расстояние примерно в одного человека.

Сюй Ань держал факел и освещал дорогу. Примерно через полчаса пути по официальной дороге они свернули на боковую дорогу, и мул, тащивший людей и телегу, сразу нырнул в кромешную тьму узкой тропы.

Дорога была настолько узкой, что по ней могла проехать только одна телега. Она извивалась и тряслась так, что не очень ровный казённый тракт теперь казался исключительно гладким.

Над головой стояли густые деревья, скрывая даже слабый свет луны. На этой тропе было заметно темнее, чем на официальной дороге.

Из леса время от времени доносился жуткий крик ночной птицы, от которого становилось не по себе.

Сюй Ань качался вместе с телегой из стороны в сторону, не сводя глаз с чёрной дороги впереди. По спине у него выступил холодный пот, и он ни на миг не осмеливался отвлечься.

Если бы он снова не вышел на эту тропу, он бы уже забыл, что дорога с казенного тракта к Тяньшую настолько узкая и труднопроходимая. Прошло столько лет, а почти ничего не

изменилось. Теперь он понял, почему гэр, который всю дорогу почти не разговаривал с ним, всё же согласился посадить его вперёд и дать ему освещать дорогу.

На этой тропе стоило лишь немного ошибиться — и вместе с повозкой можно было свалиться с дороги. В лучшем случае отделаться переломами, а в худшем — лишиться жизни.

— Я часто езжу по этой дороге в город, знаю её очень хорошо. И не впервые добираюсь ночью.

Хриплый голос прозвучал снова. Сюй Ань повернул голову. Маленький гэр сидел прямо и не смотрел на него.

Мысли Сюй Аня невольно всколыхнулись. Он действительно переживал за безопасность ночной дороги, но после этих слов не мог не задуматься: какая семья позволит столь юному гэру в одиночку управлять повозкой ночью? Тем более это явно не было вынужденной случайностью — он уже хорошо знал эту дорогу.

Но они были всего лишь случайными попутчиками, и спрашивать о чужих семейных обстоятельствах было невежливо.

Сюй Ань подавил любопытство и вежливо сказал сидевшему рядом:

— Вы ещё молоды, но как искусно управляете повозкой. Ваша сноровка действительно впечатляет. Мне, признаться, редко доводилось ездить ночью, поэтому я немного нервничаю. Спасибо, что успокоили меня.

Он совершенно не скрываясь вытер холодный пот со лба.

Хэ Ацяо едва заметно кивнул и скользнул по нему взглядом.

В тёплом жёлтом свете факела перед ним было красивое лицо. Брови — чёрные, словно чернила, нос — высокий и прямой.

Он стал гораздо более мужественным, чем в детстве.

И выше. И гораздо смуглее.

В уголках его губ появилась едва заметная улыбка, которую можно было разглядеть, только если внимательно присмотреться. Но она тут же растворилась в ветре ранней зимней ночи.

Сюй Ань решил продолжить разговор:

— Позвольте нескромный вопрос: вы родом из Тяньшуя?

Хэ Ацяо слегка нахмурился.

А может, Сюй Аню только показалось, но на мгновение ему почудилось... разочарование во взгляде гэра?

Однако почти сразу тот вновь стал невозмутимым и кивнул.

Сюй Ань улыбнулся — на этот раз вполне искренне:

— Тогда я могу без лишней скромности назвать вас земляком. Я тоже родом из Тяньшуя. Когда

был маленьким, отправился в префектурный город учиться лекарскому искусству у учителя и провёл там много лет. Теперь обучение закончено, и я возвращаюсь в Тяньшуй, чтобы заниматься врачеванием.

— Сегодня мне очень повезло, что вы согласились подвезти меня. Если впредь в городке вам или кому-нибудь из ваших родных понадобится помощь, можете смело ко мне обратиться.

Хэ Ацяо поднял глаза:

— Ты возвращаешься в городок и будешь лечить людей?

Сюй Ань кивнул. Чтобы маленький гэр не тревожился из-за ночной дороги с незнакомцем, он искренне представился:

— Именно. Меня зовут Сюй Ань. Я живу на улице Санми, дом двенадцать. Если что-нибудь понадобится, дайте знать.

Хэ Ацяо крепче сжал поводья. Прошло довольно много времени, прежде чем он наконец глухо ответил:

— Угу.

На узкой дороге мул шёл медленно. Когда они добрались до Тяньшуя, уже миновал Жэньдин*.

[*Жэньдин (午時) — образное название двухчасового периода с 21:00 до 23:00. В древнем Китае параллельно существовали две системы деления суток: официальная астрономическая (по 12 земным ветвям, где это время называется часом Хай, Хайши, 子時) и более старая бытовая, описывающая уклад жизни. Название «Жэньдин» буквально означает «время, когда люди успокоились и легли спать».]

В городке царил покой, он словно мирно спал в объятиях ночной тьмы, и на этом фоне стук деревянной колотушки ночного сторожа звучал особенно чисто и гулко.

После нескольких часов тревожной ночной дороги Сюй Ань наконец немного расслабился. Но, увидев, что они приближаются к городку, он невольно выпрямил спину.

То ли из-за темноты, то ли потому, что он очень давно не возвращался, но знакомый ему из детства городок теперь казался гораздо просторнее.

Когда телега въехала на улицу, кое-где вдоль дороги ещё горели фонари, тускло освещая тихую мощёную улицу. И действительно, ему не показалось: в городке появилось по меньшей мере две новые улицы.

— Ю-у-у-й!

Мул остановился, и перед глазами раскинулся старый переулок.

Дом номер двенадцать на улице Санми — старый жилой дом с плотно запертой дверью — затерялся в сером, невзрачном переулке и слишком заметно обветшал.

Хэ Ацяо, почти всё время молчавший, покачал головой:

— Здесь нельзя жить.

Сюй Ань задумчиво посмотрел на старый дом:

— Я тоже не возвращался сюда лет семь-восемь. Дом никто не поддерживал, конечно, всё запустилось и покрылось пылью. Но стоит привести его в порядок, немного отремонтировать — и он снова станет пригоден для жилья.

С этими словами он спустился с телеги и начал выгружать вещи.

Сегодняшний молодой месяц светил удивительно холодным и ярким светом. Деревья не загорали, и на улице можно было различить смутные тени.

Сюй Ань достал из рукава кошелёк и вынул небольшую связку медных монет, собираясь расплатиться с маленьким гэрмом.

Хэ Ацяо мельком взглянул на Сюй Аня, но денег не взял. Он дёрнул поводья, хлестнул мула и уехал.

— Эй!

Сюй Ань поспешно пробежал за ним несколько шагов, но тот даже не подумал остановиться.

Поняв, что догнать его не получится и телега уже вот-вот выедет из переулка, Сюй Ань не стал бежать за гэрмом по ночной улице — это выглядело бы неподобающим. Оставалось лишь крикнуть ему вслед:

— Спасибо!

<http://bllate.org/book/21538/2272881>